

УТВЕРЖДАЮ
проректор по научной работе и
инновационной деятельности
ФГБОУ ВО «Курганский государственный
университет»

кандидат химических наук, доцент

О.В. Филистеев

2017 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

**федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Курганский государственный
университет» (КГУ)
на диссертационную работу
Жилиной Ульяны Владимировны
«Диалектика смирения и протеста»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских
наук
по специальности
09.00.13 – философская антропология, философия культуры
(философские науки)**

Актуальность рецензируемой диссертации не может быть охарактеризована одной фразой и требует развернутого пояснения.

На четвертой странице автореферата диссертации У.В. Жилина пишет: «Смирение и протест – важнейшие темы для размышления на протяжении развития философии, начиная с античности до наших дней». Это утверждение кажется настолько самоочевидным, что едва ли кому-то может прийти в голову поставить его под сомнение. Действительно, тема пронизывает собой не только тексты, которые в истории культуры общепризнанно промаркированы как философские, но и мировоззренчески насыщенную художественную литературу, кинематограф, театр. Но, как ни странно, эта очевидность ранее никем не была эксплицирована из истории философского знания. В любом учебнике истории философии, стремящемся охватить её от начала до сегодняшнего дня или отдельные, но достаточно длительные периоды, мы обнаруживаем некоторый сквозной набор тем, традиционно освещаемых в связи если не с каждым, то почти с каждым философским учением. Таковы, например, темы сознания, свободы, справедливости, Бога и так далее. Однако мы не обнаруживаем такого рода нацеленности и, соответственно, рефлексии применительно к проблеме соотношения смирения и протеста. И это обстоятельство, при его осознании, не может не вызывать удивления.

Автор пишет: «Смирение и протест, присутствуя в жизни каждого человека на всех уровнях бытия, от решения повседневных бытовых задач до проблем личного духовного совершенствования и событий глобального политического масштаба, являются универсальными константами человеческого поведения. Выбор одного из этих двух способов поведения в каждой конкретной ситуации определяет образ и судьбу человека, общества, мира, создавая ценности и смыслы» (С. 7).

Человек - центральный пункт всякого философствования. Начиная с осознания Протагором коренной специфики человека, состоящей в том, что он живет не по природе, а по установлению, возникает вопрос, как это устанавливаемые самим человеком соотносятся с тем, что было установлено ранее, до него, и что установлено вокруг него. В различных областях

философского знания человек предстает в различных ипостасях, например, как человечество, как общество, как некий надындивидуальный познающий субъект. По отношению к любой из этих ипостасей правомерна и продуктивна постановка вопроса соотношения смирения и протеста. Однако для философской антропологии, в центре внимания которой традиционно находится человек, прежде всего, как индивид, этот вопрос является, несомненно, одним из главных, а, может, быть и самым главным. Характер ответа на этот вопрос, явно или неявно даваемого для себя каждым человеком, в огромной мере предопределяет его судьбу, возможные горизонты субъектности и жизнепостроения. Таким образом, заявленная для исследования тема не просто актуальна, она задает новый сущностно важный ракурс внутренней рефлексии философского знания, а тем самым и универсальный ракурс осмысления самого человека, прежде всего, в контексте философской антропологии.

Нельзя не отметить исключительную логическую четкость, если так можно выразиться, постановочной части диссертационного исследования: объект, предмет, цели и задачи. В соответствии с этим сформирована и структура работы.

Автор убедительно и развернуто показывает, что обсуждаемая в работе проблематика в различных философских текстах выражалась через множество различных и более или менее близких между собой понятий: с одной стороны, послушание, повиновение, рабство и т.п., с другой стороны, бунт, борьба, сопротивление и т.п. Категориальный выбор в пользу оппозиции «смирение – протест» выглядит достаточно обоснованным в силу того, что оба эти понятия в снятом, но несомненном виде содержат в себе сознательный и свободный этический выбор человеком соответствующей стратегии поведения. При этом смирение автор определяет как сознательное подчинение человека обстоятельствам, воле другого человека или группы людей, некоей системе ценностей самого человека или общества (с. 9), а протест – как сознательное противостояние человека обстоятельствам, воле другого человека или группы людей, некоей системе ценностей самого человека или общества (там же). Эти

определения адекватны исследуемой предметной области и не вызывают возражений.

Задав исходную категориальную оппозицию, У.В. Жилина продолжает дихотомически выстраивать понятийный аппарат анализа проблемы. Она выделяет две противоположные формы смирения: деструктивное (рабское) и конструктивное (аскетическое). Критерием различения деструктивного и конструктивного смирения является кантовское противопоставление отношения к человеку (в данном случае, к себе) как к средству или как к цели. «Рабская форма смирения характеризуется принесением человека себя в жертву, превращению себя в средство. Существенными признаками аскетического смирения является восприятие человеком себя как цели. При аскетическом смирении человек также жертвует собой, однако целью такой жертвы является личное самосовершенствование, обретение себя, спасение» (там же).

Эта же пара прилагательных фиксирует две противоположные формы протеста: деструктивный и конструктивный. Критерий их различения также выражается через кантовскую оппозицию, однако есть и некоторое отличие. «Для деструктивного протеста свойственно превращение *другого* человека в средство достижения своих целей, принесение его в жертву. Целью конструктивного протеста, напротив, является борьба человека *с собственным* несовершенством, зависимостями и страстями. При этом, как и в случае с аскетическим смирением, человек совершает самопожертвование, целью которого является *он сам*» (там же). [Курсив мой – Б.Ш.].

Надо отметить, что здесь, к сожалению, есть некоторый логический сбой, подмена основания деления. Исходя из данных определений, формально возможен протест, который превращает *другого* в средство, и в то же время устремлен на преодоление *собственного* несовершенства, зависимостей, страстей, предполагает отношение *к себе* как к цели. Вопрос о том, возможен ли такой протест не формально-логически, а реально, требует специального рассмотрения. Кроме того, если возможен, то оказывается неясно, как его оценивать.

Думается, корректным было бы более последовательно использовать кантовский подход через формулировку «и в своем лице, и в лице другого» как для определения деструктивного, так и для конструктивного протеста.

Во-первых, такое определение могло бы охватить протестное поведение, направленное против себя самого (в пределе - суицид), тогда как в варианте определения диссертанта это поведение вообще выпадает из рассмотрения. Хотя позже, на с. 63, автор описывает деструктивный протест уже несколько иначе, как выражающийся «в намеренном насилии над собой и окружающим миром вне потребности самозащиты», именно исходное определение приводит к тому, что протест, непосредственно направленный на саморазрушение, не анализируется в тексте диссертации. Во-вторых, оно бы позволяло сразу увидеть возможность реального противоречия конструктивного и деструктивного начал (по отношению к себе и по отношению к другому) внутри конкретного протестного поведения, к чему мы еще вернемся в этом отзыве.

Несмотря на отмеченный логический сбой на уровне определений, автор получает в целом очень четкий и работающий категориальный каркас: деструктивное и конструктивное смирение, деструктивный и конструктивный протест. Этот каркас, разработанный в первой главе, которая называется «Философско-антропологическая специфика смирения и протеста», позволяет перейти к решению задачи, сформулированной в названии второй главы: «Диалектический синтез смирения и протеста».

В рамках второй главы автор убедительно показывает, что «деструктивное смирение вступает в диалектический синтез с деструктивным протестом на основе принесения в жертву человека, его интересов, ценностей, прав и свобод некому безличному началу: группе людей, государству, какой-либо абстрактной идее. Человек в таком случае... превращается в средство и отчуждается от самого себя» (с. 9-10). Тогда как «Конструктивная форма смирения вступает в диалектический синтез с конструктивной формой протеста...на пути становления человека и обретения им себя» (с. 10).

Работа, таким образом, просто красиво скроена, и в рамках надежного категориального скелета проанализирован обширный материал, относящийся к

соотношению смирения и протеста в различных областях человеческой культуры: религии, науке, художественном творчестве, индивидуальном жизнепостроении, социально-политических процессах, самой философии. При этом, с одной стороны, заданный ракурс рассмотрения оказывается продуктивным и порождает заслуживающие внимания конкретные утверждения, а, с другой стороны, сама эта продуктивность дополнительно усиливает исходную категориальную конструкцию.

Автор ясно доносит и аргументирует важнейший с философско-антропологической точки зрения тезис, что именно конструктивный протест, содержащий в себе в снятом виде конструктивное смирение, и конституирует человека как человека: "До тех пор, пока жизнь и поведение человека определяется лишь смирением и подчинением себя диктуемым извне правилам, сложно говорить о его самостоятельной жизни» (с. 52). «Способность к инакомыслию, скептицизм, критичность, готовность к риску и защите своих идей выражают конструктивную форму протеста. Конструктивный протест выходит за пределы целей выживания и защиты витальных интересов» (с. 62). «Человек посредством протеста против абсурдности и несправедливости бытия обнаруживает несогласие с одним лишь выживанием и удовлетворением первичных потребностей» (Автореферат, с. 17-18).

Нельзя не отметить, что насыщенность идеями, их плотность на единицу текста, с одной стороны, и логичность, ясность и простота изложения, с другой, значительно превосходят обычный уровень кандидатской диссертации. Среди других заслуживающих внимания моментов особо следует выделить анализ феномена жертвоприношения, который оказывается органично включенным в основную проблему диссертации. Авторская трактовка жертвоприношения как синтеза смирения и протеста представляется исключительно глубокой, особенно тогда, когда жертвоприношение образует собой синтез конструктивного смирения и конструктивного протеста, когда один и тот же человек одновременно является жертвователем, жертвой и целью жертвоприношения. Ограниченность объема отзыва не позволяет обсудить

множество иных представляющих несомненный интерес авторских размышлений.

Характеризуя работу в целом, надо сказать, что автор не формальным и не дежурным образом использует в диссертации историко-философское наследие. Обращение с текстами великих мыслителей прошлого органично и всегда уместно, что свидетельствует о высокой философской культуре диссертанта.

Разумеется, всякое новаторское исследование неизбежно содержит в себе недостаточно проработанные и не до конца отшлифованные моменты. Не останавливаясь на частностях, укажем лишь на то, что кажется нам наиболее существенным и касается, прежде всего, анализа протеста.

При всех достоинствах диссертации, ей присущ и некоторый схематизм. В особенности это касается противопоставления деструктивного и конструктивного протеста. Вспоминаются знаменитые строки Владимира Высоцкого из мюзикла «Алиса в стране чудес»: «Добро и зло в стране чудес, как и везде, встречаются, но только здесь они живут на разных берегах». Конструктивный и деструктивный протест не в сказке, а в реальности, живут не на разных берегах. И один из них нередко переходит в другой. Более того, они часто взаимно проникают друг в друга, и одна и та же деятельность, как индивидуальных, так и надиндивидуальных субъектов, зачастую несет в себе обе составляющие. Соответственно, применительно к такого рода явлениям однозначную оценку дать не просто чрезвычайно трудно, но и невозможно. В частности, это касается и некоторых рассматриваемых в диссертации исторических явлений, например, революций.

Критерий различения деструктивного и конструктивного протеста, идущий от кантовского противопоставления отношения к человеку как к цели либо как к средству, безусловно, импонирует и представляется продуктивным. Однако он не является универсальным и исчерпывающим. Формулировка Канта "Относись к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого..." акцентирует внимание на существование человечества в форме человеческого индивида, личности. Однако это не единственная форма существования человечества. Формами существования человечества выступают также

относительно обособленные общества или иные целостные системы, включающее в себя множества индивидов, и при этом устойчиво воспроизводящиеся в ходе смены поколений людей. В известном смысле, наиболее глубокой формой существования человечества выступает культура, которая сама по себе носит надындивидуальный характер. Культура включает в себя в качестве системообразующих определённые ценностные абсолюты, такие, например, как истина, добро, красота, справедливость. «Конструктивный протест, пишет автор, это форма протеста, направленная на борьбу за овладение человеком собой, своей жизнью, отстаивание своей свободы и ценностей, спасение души» (С.64). Однако конструктивный протест часто направлен вовсе не на себя, а вовне, на отстаивание тех или иных ценностей, носящих, по мнению человека, абсолютный характер. И только через эту внешнюю направленность он и приводит, в том числе, к овладению человеком собой. Кроме того, между различными формами существования человечества, том числе, между личностными и не личностными, возможны самые разные и весьма сложные отношения. Это еще один момент, в контексте которого протест, конструктивный в одном отношении, может оказаться деструктивным в другом. Гений (например, когнитивный или эстетический) и злодейство (превращение человека в средство), увы, вопреки известной формуле, вещи вполне совместные.

Высказанные замечания, разумеется, не меняют общей очень высокой оценки диссертационного исследования, которое отличается самостоятельностью, теоретической новизной, практической значимостью и носит завершённый характер. Полученные результаты соответствуют научной специальности «Философская антропология, философия культуры». Содержание автореферата отражает основное содержание диссертации, основные идеи исследования достаточно полно представлены в публикациях автора. Диссертация У.В. Жилиной является научно-квалификационной работой, которая содержит решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний, что соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением

правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842. У.В. Жилина заслуживает присвоения
искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 –
философская антропология, философия культуры (философские науки).

Отзыв подготовлен заведующим кафедрой философии, д-ром филос. наук,
профессором Б.С. Шалютиным.

Отзыв обсужден и утвержден на совместном заседании кафедры
философии и кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Курганский
государственный университет» (протокол № 1 от 11 апреля 2017 г.).

Заведующий кафедрой философии
ФГБОУ ВО «Курганский государственный
университет»,

д-р филос. наук, профессор

Борис Соломонович Шалютин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Курганский государственный университет» (КГУ)

640020, г. Курган, ул. Советская, д. 63, корп.4

Тел. +7 (3522) 65-49-99

E-mail: rector@kgsu.ru

ВЕРНО
Зав. канцелярией Козлова М.А.
« 02 » 05 2017 г.